Комментарий № 46
29 июня 2021

Признание России великой державой – палка о двух концах для Москвы

Пол Хансбери

Резюме

Фоном для встречи Джо Байдена с Владимиром Путиным в Женеве 16 июня послужила причудливая смесь шумихи и заниженных ожиданий. Их встречу следует рассматривать в контексте саммита НАТО, который состоялся двумя днями ранее. В рамках саммита НАТО прозвучали намеки на усиление единства позиций членов альянса в отношении России, в то время как женевский саммит был посвящен проблемам статуса России, и оба эти события имеют последствия для отношений России с западными странами и внешней политики стран-соседей Москвы.

Содержание

1 НАТО: разобщенность
2 НАТО: единство
3 Последствия

В России настроение после саммита в Женеве было в целом позитивным. Ключевой причиной явилось то, что встреча была фактически повсеместно истолкована как признание статуса России в качестве великой державы. Встреча напомнила о саммитах времен Холодной войны, самый ранний из которых, состоявшийся в 1955 году, также проходил в Женеве. Оценка саммита разительно отличалась от позиции США в 2014 году, когда Барак Обама в своем (печально) известном заявлении назвал Россию «региональной державой». Однако зарождающееся признание в США статуса России в качестве великой державы может оказаться для России палкой о двух концах. В сочетании с более единой позицией НАТО в отношении России этот процесс запускает взаимоусиливающую динамику, которая может вызвать дополнительную напряженность.

НАТО: разобщенность

Единая позиция НАТО в отношении России, если она действительно формируется, как ни странно, назревала необычно долго. Было бы заманчиво предположить, что «возрождение» России начиная с ввода войск в Грузию в 2008 году и особенно ее участия в украинских событиях с 2014 года обеспечило небывалый со времен Холодной войны уровень сплоченности членов НАТО. В какой-то степени это, конечно, правда, и это, безусловно, выдвинуло Россию на первое место в повестке дня членов альянса, причем не в последнюю очередь новых членов, которые ранее были частью Варшавского договора, а также привело к увеличению числа учений НАТО и изменению расстановки сил на ее восточном фланге.

Тем не менее внутри НАТО также было много разногласий по поводу планов на будущее, и у членов альянса имелись конкурирующие приоритеты. Кризис в Украине произошел в то время, когда европейские члены НАТО были заняты миграционным кризисом, проблемами терроризма и последствиями мирового финансового кризиса.

> Множественность мнений внутри НАТО соответствовала видению России в качестве региональной державы, поскольку оно подразумевало ее ограниченные возможности и ограниченный географический круг интересов.

Поэтому наличие противоречивых приоритетов у членов НАТО было вполне естественным; многие на юге и западе Европы воспринимали Россию скорее как повод для беспокойства, а не угрозу.

В США на смену президенту Обаме вскоре пришел Дональд Трамп, который, вступая в должность, поставил под сомнение эффективность НАТО и, как казалось, держался мнения о «белом и пушистом» Путине. Находясь на своем посту, он неоднократно обрушивался на членов НАТО с критикой в связи с невыполнением согласованного целевого показателя по расходам на оборону. На фоне скепсиса Трампа НАТО – как это уже случалось в 90-е годы прошлого века после распада Советского Союза и очевидного окончания конфронтации между Востоком и Западом – вновь принялась бороться за свое выживание. Президент Франции Эммануэль Макрон этому не способствовал, заявив о «смерти мозга» альянса.

НАТО: единство

Недавняя «смена караула» в Вашингтоне подогрела интерес к саммиту НАТО в Брюсселе 14 июня, хотя его в некоторой степени и омрачил символизм встречи на высшем уровне в Женеве. Саммит в Швейцарии ожидаемо вызвал критику со стороны республиканцев в США, которые обвинили Байдена в «соглашательстве» в ответ на учтивость, проявленную на пресс-конференциях по итогам саммита. Такой поворот событий весьма ироничен, учитывая то, как прошлый президент-республиканец высказывался о Путине, однако это и важное напоминание о внутренних ограничениях, с которыми сталкивается президент США.

Если Байден дарует России статус, к которому она стремится, то это в какой-то мере подведет новый фундамент под двусторонние отношения. Однако камнем преткновения для России может оказаться не столько политика Америки в отношении России, сколько возобновление обязательств США в рамках НАТО. Комментарии по России в коммюнике саммита НАТО более предметны, нежели это часто бывает в подобных документах, и отражают компромиссы между подписантами. НАТО заявляет, что «по-прежнему ясно видит вызовы, которые бросает Россия» (пункт 46). Это заявление кажется более содержательным, чем коммюнике, принятое по итогам саммита НАТО в Уэльсе в 2014 году. Хотя на саммите в Варшаве в 2016 году была заметна более жесткая позиция, в эпоху Трампа альянс быстро погрузился в заботы о своей внутренней политике.

В своих выступлениях для прессы после саммита Ангела Меркель настаивала на том, что Россия является «главным вызовом» для НАТО (см. 19:22), а Макрон подчеркнул североатлантическую направленность альянса (см. 18:37), подразумевая, что российский вопрос должен превалировать над китайским. И действительно, в высказываниях лидеров НАТО по Китаю прозвучали самые разнообразные мнения. Из этого следует, что планируемая новая стратегическая концепция альянса, несомненно, в конечном итоге будет отражать озабоченность, связанную, прежде всего, с Россией.

Таким образом, итоги саммита в Брюсселе говорят если и не о совпадении мнений членов НАТО относительно угрозы со стороны России, то в определенной степени об их сближении. С 2015 года участники договорились, что положение о коллективной обороне статьи 5, могут быть применены в ответ на «гибридную войну» (пункт 31), опасность которой, по мнению многих, исходит от России. Существует множество вполне обоснованных причин для общего восприятия угрозы в отношении России со стороны союзников по НАТО, вытекающих из

обвинений, которые нет нужды перечислять здесь, однако значимым является тот факт, что расхождения во взглядах на политику в отношении России будет сложнее обосновать, если Россия будет признана великой державой.

> Если члены НАТО согласятся с тем, что Россия является великой державой, ее будет труднее игнорировать, а значит, она будет требовать большего внимания с их стороны, в том числе и по нетрадиционным или «гибридным» вопросам.

Поэтому Москве придется быть осторожной в использовании своего предполагаемого оружия – признания в качестве великой державы.

Последствия

Существует риск того, что сосредоточенность членов НАТО на выработке общего подхода к России будет стоить им поиска решений *совместно с Россией*. По этой причине удовлетворенность России результатом саммита в Женеве должна быть скорректирована итогами предыдущего саммита НАТО. Послание Байдена «Америка вернулась» направлено в первую очередь на союзников, однако его последствия затрагивают и оппонентов.

Для России консолидация внутри блока соперников затруднит поиск «псевдо-союзников» внутри НАТО. Россия сохраняет значительное влияние в Венгрии благодаря энергетическим связям, хотя восприятие России венграми весьма неоднозначно (см. недавнее исследование). Еще одним потенциальным «псевдо-союзником» является Турция, которая в течение некоторого времени, казалось, сближалась с Россией. Однако Байден и Реджеп Эрдоган также беседовали в Брюсселе, и риторика, по крайней мере, выглядит как улучшение недавних отношений между Турцией и ее союзниками.

> Для «серединных» государств, расположенных между Россией и НАТО, усиление единства в альянсе в сочетании с более широким признанием России в качестве великой державы может рассматриваться как возможность для более решительного апеллирования к Западу в поисках поддержки для обеспечения противовеса влиянию России.

Или же ситуация может привести к тому, что такие государства посчитают, что Россия сильнее и может дать больше, поэтому будут ожидать от нее больших уступок. Наличие нескольких сценариев реагирования – прерогатива этих государств и головная боль Москвы. В этом отношении показательными могут быть крупные военные учения «Запад-2021», которые пройдут этой осенью. Каким образом Беларусь, одна из участниц учений, будет в них задействована и представит отработку маневров третьим сторонам? Как отреагирует на учения Украина, северная граница которой окажется в непосредственной близости от расположения российских войск?

Публикация подготовлена при поддержке белорусского офиса Фонда им. Конрада Аденауэра (Германия). Ее содержание отражает исключительно мнение автора.

Пол Хансбери
ассоциированный сотрудник, Совет по международным отношениям «Минский диалог» (Великобритания)